

Хроника научной жизни

Поэзия (не)насилия

Международная конференция
«Поэзия последнего времени»

(Принстонский университет, 15–16 апреля 2023 года)

DOI: 10.53953/08696365_2023_184_6_478

15–16 апреля 2023 года в Принстонском университете (штат Нью-Джерси, США) прошла научная конференция, посвященная тенденциям современной русской поэзии в условиях «новой реальности». Поводом для конференции послужил сборник стихотворений «Поэзия последнего времени», опубликованный в конце 2022 года в «Издательстве Ивана Лимбаха». Организацию конференции взяли на себя редактор сборника — известный специалист в области современной русской литературы и кино профессор *Юрий Левинг* и кафедра славистики Принстонского университета. На двухдневной конференции обсуждались вопросы о том, как изменилась русскоязычная поэзия за прошлый год и как эта поэзия «последнего времени» вписывается не только в контекст истории русской и зарубежной литератур и философии, но и в контекст текущих социальных и политических тенденций. В дискуссиях принимали участие литературоведы и исследователи из разных стран, представители литературных издательств, переводчики и, конечно же, сами поэты, чьи произведения включены в сборник.

В первых докладах конференции поднимались вопросы о подходах современных поэтов к традиционно значимым темам и образам. В докладе «*Мир, земля, почва*» *Анна Вичкитова* (Гарвардский университет, США) показала значение и функции образа земли в русскоязычной поэзии прошлого года. Докладчица проанализировала не только образ земли как материального и метонимического символа мира и истории, но также формы и значение риторического обращения к земле в поэтических текстах. Вичкитова отметила, что в контексте русской литературной традиции образ земли впервые приобрел свое важное духовное значение в творчестве поэтов Серебряного века. Он часто встречается в поэтическом творчестве Валерия Брюсова, Бориса Пастернака, Николая Гумилева и Николая Заболоцкого. Взаимосвязь между понятиями земли, родины и насилия в русской поэзии проявилась особенно ярко во время большевистской революции, Гражданской

войны и обеих мировых войн. Образ земли был представлен как сакральный символ родины, истории и «советскости» и в поэзии послевоенной эпохи. В стихотворениях этого периода земля изображается как живое существо, вмещающее в себя и трагедии прошлого и возможности будущего. В русской поэзии 2022 года, по мнению Вичкитовой, образ земли остается не менее важным, однако его значение существенно изменяется. Он становится символом катастрофы, правды и вечности. У современных поэтов земля часто одушевлена и представлена или в виде человеческого тела, или как какая-то неведомая сила, способная мощно воздействовать на человеческие тела. Эта сила может и осуществлять насилие, и подвергаться ему. Однако чаще всего образ земли в текстах современных поэтов является чем-то абстрактным и в основном лишенным физических черт, что, по предположению докладчицы, может быть результатом постмодернистского восприятия земли не как физического материала, а как виртуального изображения, к которому вследствие невозможности физического контакта поэт получает доступ только посредством интернета или телевидения. В заключение своего доклада Вичкитова отметила, что современные поэты, в творчестве которых используется образ земли, не столько продолжают тенденции поэзии Серебряного века и советской эпохи, сколько стремятся найти новые значения и подходы, которые соответствуют современному постмодернистскому взгляду на историю, проблему насилия, экологию и политику.

В докладе *Вениамина Гуцина* (Колумбийский университет, США) «*Посленость и новая темпоральность*» были рассмотрены новые подходы к изображению темпоральности в современной русской поэзии. Особое внимание Гуцин обратил на тему «*послености*» (термин отсылает нас к творчеству художника Герхарда Рихтера и его концепции «*Nachheit*») и на изображение нового чувства времени в поэтических текстах, представленных в сборнике «*Поэзия последнего времени*». Докладчик показал историческое влияние поэтов прошлого на изображение чувства времени в произведениях сборника и заметил, что прошлое представлено в современной поэзии посредством «*презентизма*», то есть через «*сведение всех эпох к вечному настоящему*», в котором нет возможности существования будущего. Современные поэты, особенно такие как Аля Хайтлина, Александр Скидан и Дмитрий Герчиков, по мнению Гуцина, подвергают сомнению идею линейного времени. В этой дестабилизации традиционного чувства времени важную роль приобретает символика апокалипсиса. Гуцин отмечает, что этот смысл вечного настоящего, мощного влияния истории на сегодняшнее время и отсутствие будущего в поэзии последнего времени вновь обращается к старому вопросу, особенно остро прочувствованному поэтами послевоенной эпохи: возможно ли художественное творчество после катастрофы? При этом, как замечает Гуцин, современные поэты стараются избегать исторических сравнений, чаще они используют литературные намеки на произведения, в которых представлен похожий процесс дестабилизации времени, как, например, в произведениях «*О понятии истории*» Вальтера Беньямина или «*Москва — Петушки*» Венедикта Ерофеева. Таким образом поэты продолжают традиции своих предшественников.

Среди различных мероприятий конференции особенно важную роль играли поэтические чтения, на которых выступали поэты, принявшие участие в сборнике, — Демьян Кудрявцев, Аля Хайтлина, Елена Михайлик, Дмитрий Быков, Вера Павлова, Григорий Стариковский, Евгений Сливкин, Полина Барскова, Анна Гальберштадт, Ехиэль Фишзон и Катя Капович. Эти поэтические чтения дали участникам конференции возможность объединить теоретический анализ с эстетическим опытом, а также прокомментировать и сравнить различные стили и подходы разных поэтов.

На первом круглом столе конференции, посвященном теме «Как писать на русском языке в 2022 году», свои доклады представили *Полина Барскова* (Калифорнийский университет в Беркли, США), *Марк Липовецкий* (Колумбийский университет, США) и *Илья Кукулин* (Амхерст-колледж, США). Поэт и исследователь ленинградских блокадных дневников Полина Барскова выступила с замечаниями о «дневниковых» свойствах современной русской поэзии. Она сравнила тексты, опубликованные в соцсетях, с письмами, написанными во время ленинградской блокады. Выступление Барсковой, как и предыдущий доклад Гущина, касались темы темпоральности и чувства «вечного настоящего» в поэзии последнего времени. По мнению Барсковой, этот новый «дневниковый» подход к поэзии показывает, что наиболее важное значение современных стихотворений заключается не в конечном результате, а в непрерывном процессе самого создания литературного текста.

В своем выступлении Марк Липовецкий обратился к таким темам, как возникновение в русскоязычной поэзии последнего времени ощущения «конца истории», связь литературных приемов современных поэтов с творческими поисками советских и постмодернистских предшественников. Липовецкий указал на яркую тенденцию современных поэтов выражать свою «неспособность» писать и говорить. Докладчик рассмотрел статус самого русского языка в современных стихотворениях, его связь с идентичностью поэта и методы трансформации языка в текстах сборника «Поэзия последнего времени». Проанализировав в числе прочих стихотворения Ольги Андреевой, Дмитрия Герчикова и Льва Оборина, Липовецкий предположил, что в русской поэзии последнего времени возникло несколько новых явлений: с одной стороны, феномен отчуждения поэта от самого себя и от языка, как отчуждение, создающее «неспособность писать», а с другой — одновременная попытка творить посредством этого отчуждения. Процесс письма «посредством отчуждения» стилистически представлен в современной поэзии с помощью создания «новой» версии русского языка, характеризующейся нарушениями допустимых норм, перерывами и сбоями. По мнению Липовецкого, современные поэты стремятся трансформировать и обновить постмодернистские приемы таких поэтов, как Пригов, Еременко, Кибиров, Всеволод Некрасов и члены Лианозовской школы, изображавших похожее чувство «отчуждения» от языка. Докладчик отметил, что обычное положение «я» в этой поэзии — дестабилизированное: «я» часто заменяется на «мы», однако без привычных ассоциаций с национальной общностью и единением, которые были представлены в поэзии прошлых эпох. В заключение своего доклада Липовецкий заметил, что стремление современной поэзии представить общее отчуждение от русского языка, этот «новый язык», наиболее ярко выражено в произведениях Варвары Недеогло, которая «отчуждает каждое слово, меняя не только написание, но и алфавит, изобретая благодаря этому новые, неузнаваемые, искаженные и отклоняющиеся от нормы вариации известных языковых единиц».

В докладе Ильи Кукулина перед участниками конференции был поставлен вопрос: произошли ли какие-либо заметные изменения в русской поэзии за прошедший год? Пытаясь ответить на этот вопрос, Кукулин обратился к рецензии Дмитрия Кузьмина на сборник «Поэзия последнего времени», в которой критик утверждает, что в поэтических текстах сборника, как и в русскоязычной современной поэзии вообще, не видно никаких следов важных и глубоких стилистических перемен. Соглашаясь с Кузьминым в том, что «кризисные» темы поднимались и в русской поэзии уже в 1990—2000-х, Кукулин, однако, утверждает, что в современной русской «поэзии кризиса» произошло и происходит несколько важных изменений, постепенных и требующих особенных способов и подходов для ана-

лиза и описания, а именно: изменения в понимании авторства и в значении стилистической основы стихотворения, деконструкция авторской личности и «новое понимание того, для чего нужна поэзия». По мнению Кукулина, главная тема всех современных поэтов — «насилие как овеществляющая сила», тема, которая впервые была представлена в эссе Симоны Вейль «Илиада, или поэма о силе» еще в 1939 году. В ней, напомним, Вейль утверждает, что герои эпоса приходят к осознанию самих себя посредством отречения от насилия. Кукулин отметил и другие важные тенденции русскоязычной поэзии последнего времени: осознание «осуществляющей силы насилия», желание подвергать все сомнению и стремление представить альтернативные возможности. Кукулин, подобно Липовецкому, обратился к творчеству Варвары Недеогло как к примеру новых стилистических открытий. Он отметил, что если раньше Недеогло стремилась создать свой «собственный алфавит» (Кукулин сравнивает ее стиль со стилем футуристов Хлебникова и Божидара) как личный «бунт» против общепринятого, то сейчас этот стилистический подход вызван стремлением изобрести «новую версию» русского языка (здесь Кукулин упомянул концепцию, ранее обсуждавшуюся в докладе Липовецкого). Стилистическое новаторство Недеогло, по мнению Кукулина, приобретает новое, более широкое политическое и культурное значение. В заключение Кукулин заметил, что для поэтов сегодняшнего времени писать стихи на русском языке — значит обсуждать и подвергать анализу порядок вещей, формулировать новый подход к реальности и к самому себе и осмыслять, как этот порядок вещей может измениться в будущем.

После выступлений поэтов и литературоведов на конференции состоялась открытая дискуссия группы переводчиков художественной литературы. Были представлены и обсуждены переводы нескольких текстов, опубликованных в «Поэзии последнего времени», в том числе стихи Дмитрия Быкова, Нины Фрейман, Игоря Бобыврева, Елены Михайлик и Веры Павловой. Участники круглого стола, шесть аспирантов Принстонского университета, прочитали свои переводы и получили отзывы от трех профессиональных переводчиков русской литературы на английский язык — Энсли Морс (Дартмутский колледж, США), Евгения Осташевского (Нью-Йоркский университет, США) и Матвея Янкевича (издательство «World Poetry Books»). И профессиональные переводчики, и члены аудитории активно участвовали в обсуждении переводов аспирантов. Разговор во время сессии касался проблем передачи стилистических тенденций, специфической терминологии, двойных значений и литературных намеков и влияний в переводе современной русской поэзии на английский. Во время обсуждения также поднимались вопросы о влиянии самих современных поэтов на переводы их произведений. Один из участников дискуссии задал Елене Михайлик вопрос о том, какой из английских вариантов русской фразы в ее стихотворении звучал бы лучше всего, на что получил ироничный ответ, отсылающий к знаменитому эссе Ролана Барта: «Автор — мертв!»

Первый день конференции завершился театральной постановкой режиссера Анны Наринской и актрисы Алисы Хазановой «Последнее слово» (премьера состоялась в Берлине в 2022 году). После спектакля была организована встреча зрителей с создателями, на которой шел разговор о процессе создания и исполнения пьесы. Во время дискуссии поднимались вопросы о том, какие литературные приемы, темы и образы связывают русскую поэзию последнего времени с сегодняшней драматургией, и также о том, каковы функции современного документального искусства.

Второй день конференции открыла Кетлин Митчелл-Фокс (Принстонский университет, США) докладом, название которого можно перевести как «Языковые

неединицы» («*Linguistic non-identities*»). Он был посвящен творчеству Варвары Недеогло, и в частности ее формально нетрадиционному стихотворению «iǝБУДЬ Рү ССКОЙ+ОЙ+ОЙ/НА/РÕÇЌИЮ!». Продолжая начатую Липовецким и Кукулиным дискуссию о создании «нового» варианта русского языка в произведениях Недеогло, Митчелл-Фокс показала «дестабилизацию» русского языка в стихотворениях Варвары Недеогло, использование разных алфавитов, связь ее поэзии с русской поэтической традицией и одновременное неприятие этой традиции, трансформирование религиозных текстов в стихах поэта и, наконец, ее самозванный «анархический» подход к поэзии. Митчелл-Фокс высказала свои предположения о функции поэтических текстов, подобных стихам Недеогло, — текстов, которые «невозможно читать вслух». Кроме того, докладчица обратилась к таким проблемам, как значение и функции употребления иностранных и церковнославянских букв и нерусской кириллицы в рассматриваемом стихотворении Недеогло, написанном на современном русском языке. Митчелл-Фокс предположила, что использование поэтом иностранных букв дестабилизирует не только язык, на котором написано стихотворение, но и само значение букв в языке, откуда они были заимствованы, вводя таким образом дополнительные оттенки значения. В стилизованном «слове», состоящем как из русских, так и из иностранных букв, запечатлеваются многочисленные значения, вследствие того, что каждая буква одновременно представляет два звука: звук русской буквы, которую она заменяет, и тот звук, который она представляет в алфавите своего языка.

Митчелл-Фокс предположила, что стихотворение Недеогло содержит как неявные, так и явные намеки на заумный язык футуристов, особенно на произведения Хлебникова, Крученых и Введенского. Кроме того, в связи с темой роли гендера в анализируемом стихотворении докладчица указала на функцию женской точки зрения поэта, которая дестабилизирует и противостоит мужской гегемонии традиционных религиозных и футуристических дискурсов. Митчелл-Фокс отметила, что это лингвистически новаторское и сложное стихотворение само функционирует как попытка одновременно и противостоять, и сохранять ассоциацию русского языка с насилием. Докладчица утверждает, что Недеогло вводит нерусские буквы кириллицы в свой «русский» текст (именно те буквы, которые использовались в советское время при кириллизации языков центральноазиатских республик и Молдовы), для того чтобы указать на связь между русским языком и колониальным насилием. Таким образом, стихотворение Недеогло одновременно демонстрирует, по мысли автора доклада, и «анархическое» стремление поэта создать новую версию русского языка вне ассоциации с насилием, и невозможность поэта избежать этой ассоциации.

Знаменитый художник московского концептуального искусства *Виталий Комар* выступил с докладом «*Образы животных: война и мир в искусстве*», в котором обсуждались и современные изменения в визуальной символике животных, и собственная карьера и произведения докладчика. Он поделился слайдами недавно созданных полотен и показал, как под влиянием текущих событий в них по-новому представлены образы животных. Попутно художник указал на невозможность прямого перевода с визуального языка на вербальный. Несмотря на визуальный аспект своего доклада, Комар поднял тему, важную и для поэтического сборника «Поэзия последнего времени», — символическое изображение животных, функция и эволюция символических изображений различных концептов (в том числе концепта самой России) посредством образов животных.

На втором круглом столе конференции докладчики поделились своими замечаниями на тему образов шока и оцепенения в русской поэзии последнего времени. В замечаниях филолога *Ильи Калинина* (Принстонский университет, США)

обсуждалась тема сборника, уже отмеченная ранее в докладах Липовецкого и Митчелл-Фокс, — об изображении «отчуждения» от языка и культуры в поэтических текстах. Калинин отметил, что в них налицо два основных проявления концепции «шока»: во-первых, идея «оцепенения», препятствующего созданию поэзии, и, во-вторых, образ «толчка», вызывающего реакцию на «шокирующие» события в стихах. Автор доклада предположил, что в современных стихах опыт шока одновременно и препятствует, и стимулирует поэтическую речь.

Мария Майофис (Амхерст-колледж, США) в своем выступлении подняла тему коллективного самосознания в современной русской поэзии и процесса самоидентификации читателя с поэтическими текстами. В качестве основного примера Майофис привела стихотворение Вадима Жука и показала, как в нем проявляется влияние творчества Некрасова и Галича. Майофис утверждает, что, в отличие от текстов предшественников, в поэзии Жука нет многообразия и оттенков значений, так же как и многообразия чувств, характерных для поэзии предшественников. Докладчица отметила, что это «некритическое» отношение автора к поэтической традиции играет важную роль в создании у читателя чувства «коллективного оцепенения» и «мысленного тупика». В сообщении *Елены Михайлик* (Университет Нового Южного Уэльса, Австралия) была рассмотрена связь между концепцией шока, выраженной в поэзии, и современным опытом. В своих замечаниях Михайлик указала на эссе Чеслава Милоша «Порабощенный разум» и отметила феномен «вторичного шока».

В двух дополнительных сессиях второго дня конференции своими размышлениями о русской поэзии 2022 года поделились переводчики и издатели. Уже отмеченная группа переводчиков, участвовавшая в семинаре по проблемам перевода текстов в «Поэзии последнего времени», обсудила нынешнее состояние переводов русскоязычной художественной литературы на международном и особенно англоязычном рынке. Во второй сессии приняли участие несколько представителей издательств, публикующих современную русскую поэзию. В частности, на этой секции выступили главный редактор «Издательства Ивана Лимбаха» *Ирина Кравцова* (Санкт-Петербург), совладелец книжного магазина «Бабель» *Евгений Коган* (Тель-Авив) и поэт и редактор сетевого издания *ROAR Линор Горалик* (Тель-Авив).

Конференция завершилась докладом Ильи Кукулина «Сила бессильных слов», название которого отсылало к знаменитой работе «Сила бессильных» Вацлава Гавела. В докладе обсуждалось отношение между современной русской поэзией и возможностью сопротивления насилию. Кукулин утверждал, что изменения, происходящие в русскоязычной поэзии сегодня, можно сравнить с изменениями, которые уже наблюдались в поэзии во время второй чеченской войны. В то время такие поэты, как Валерий Шубинский, Михаил Сухотин и Ольга Постникова, создавали новаторские и в поэтическом, и в политическом смысле тексты, документальная функция которых была основной. Влияние их творчества Кукулин видит в недавних произведениях некоторых современных поэтов (Александра Малинина, Марии Степановой, Дмитрия Герчикова, Али Хайтлиной). Стихи этих поэтов, по словам Кукулина, пытаются разрушить прошлые устаревшие идеи идентичности и единения, которые потенциально могут являться инструментами вовлечения людей в механизм насилия и манипулирования ими. Кукулин предположил, что для понимания поэтических произведений последнего времени исследователю нужен «подход, сочетающий антропологию и эстетику».

Ключевую тему поэзии 2022 года, по мнению докладчика, представляет собой «солидарность потрясенных». Сославшись на работу философа Яна Паточки, которому принадлежит это определение, Кукулин заявил, что данная концепция оказывается полезной при сравнительной интерпретации современных поэтических

текстов, принадлежащих различным поэтическим течениям. Согласно Паточке, после ряда катастроф XX века необходимо сформулировать новое понимание участия человека в истории: «потрясенные» представляют собой тех, у кого была дестабилизирована вера «даже в такие простые концепции, как “день”, “жизнь” и “мир”». Именно в «солидарности потрясенных» заключается возможность позитивных изменений в будущем. Кукулин утверждает, что современные поэты в своих попытках разрушить различные общепринятые концепции и общепринятое понимание прошлого (например, идеи времени и национальной идентичности) создают произведения, которые, в соответствии с идеей Паточки, используют «солидарность потрясенных», для того чтобы сопротивляться насилию. В этих текстах основная функция «солидарности потрясенных», по мнению докладчика, заключается в попытке поэтов «разоблачить иллюзии, лежащие в основе повседневной жизни» и «сформулировать новые возможные пути продвижения вперед». Выводы Кукулина позволили по-новому взглянуть на тему, которая широко обсуждалась в ходе конференции, и раскрыли еще не изученный (и более оптимистичный) аспект тенденции сегодняшних поэтов описывать «конец истории», а именно их попытку и отвергнуть прошлое, не отвергая возможности будущего, и сформулировать пути продвижения вперед.

Одна из ведущих тем конференции — невозможность создания современной русской поэзии «ненасилия» (или, иначе говоря, поэзии, не связанной с насилием) из-за близости русского языка и литературы и насилия империализма. Поэты «последнего времени» задаются вопросом: если насилие в каком-то смысле создало и укрепило нашу литературную традицию, тогда возможно ли писать на русском без соучастия в насилии? Одновременно, осуждая неоднозначное происхождение русской поэзии, современные авторы черпают вдохновение в тех аспектах традиции, которые связаны с сопротивлением насилию и власти, и обращаются к поэтам прошлого, изображавшим и критиковавшим эти явления.

В результате «поэзия последнего времени», проникнутая проблемой двусторонней связи поэзии и насилия, с одной стороны, приходит к идее «невозможности писать»: Герман Лукомников в конце своего стихотворения в презентуемом сборнике признается в бессилии поэзии («Мои поэтические строчки / не спасли ничьего сына, ничьей дочки. / Здесь должно быть какое-то продолжение, / но я не нахожу подходящее выражение»), а Варвара Недеогло создает формально и лингвистически нетрадиционный текст с целью (по мнению Кетлин Митчелл-Фокс) признания и отказа от связей русского языка и традиционных поэтических форм с историей империалистского насилия. С другой стороны, несмотря на чувство, что сочинять стихи в сегодняшнем мире «невозможно», поэты продолжают писать, неявно выражая надежду на то, что поэзия может привести к позитивным переменам. (Даже стихотворение о бессилии поэзии перед насилием будит желание сопротивляться и создает упомянутую Кукулиным «солидарность потрясенных».) Поэты «последнего времени» не просто осуждают литературную традицию и печалются — они продуктивно используют ее специфические аспекты, чтобы разотождествиться с литературным канонам с его же помощью — противостоять насилию, намекая на уровне формы и лексики на творчество своих предшественников, когда-то проделавших схожий путь. Таким образом они ищут выход из ментального тупика, согласно которому писать стихи сегодня невозможно, и отказываются от простого воспроизведения уже найденных когда-то языковых формул.

Эмма Джордж